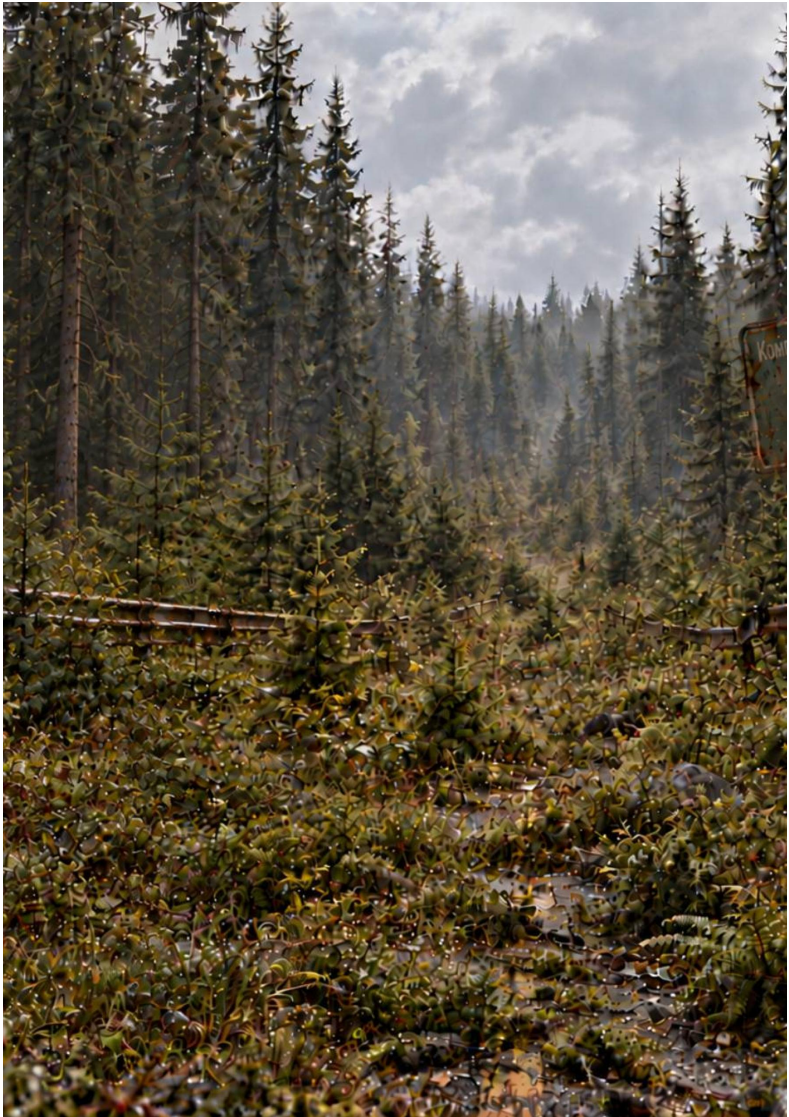

Евгений Шейд
Начало

https://litres.ru/74936193
SelfPub; 2026

Аннотация

Ким открывает глаза в мёртвой лаборатории. Его тело не дышит и не чувствует голода — оно синтетическое, а всё, что осталось от прежнего человека, — память, обрывающаяся на полуслове. Мир, который он помнит, погиб полвека назад.

Он не один. Рядом просыпаются ещё четверо: двое техников, биолог, химик и медик — люди, чьи личности когда-то записали в нейрокубы, зная, что никакой другой копии не будет. У них есть инструкция, аварийный код и цель — комплекс «Альфа», где их ждут. Если ждут.

Впереди — мёртвый город, тайга, ставшая хозяйкой дорог, и лаборатории, где их самих ждут тела с их собственными лицами. Не все, кого записали, дойдут. Не все, кто дошёл, захотят идти дальше.

Повесть о том, что остаётся человеку, когда у него забрали тело, время и саму смерть, — и о том, почему даже после конца света это не конец. Это только начало.

Содержание

Глава 1. Ким 5
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Начало

Посвящается моей дочери,
как идейному вдохновителю этой истории

Глава 1. Ким

Сначала была вспышка.

Белый свет ударил изнутри, в глазах почувствовал боль — и меня скрутило от тошноты. Или я решил, что это тошнота.

Всё вращалось. Я пытался сосредоточиться, но мысли расползались, не успев сложиться во что-то цельное. Потом появились звуки: глухие, далёкие, словно из ушей вынули вату.

Прямо в голове назойливо зажужжало и защёлкало.

Я замер.

Звук оборвался.

Замки щёлкнули, и я рухнул на пол.

Боли не было. Только удар — глухое касание, будто пол толкнул меня в бок. Странное ощущение. Чужое.

Где-то рядом скреблись, кряхтели, фыркали.

Почему так темно?

Я попытался всмотреться — и в голове тихо зажужжало. Сначала в глазах встал один серый шум, рыхлый, как помехи. Потом в нём проступили очертания: пол, стены, потолок.

Оптический имплант?

Мы работали с такими в соседней лаборатории. Там всё кипело — коммерческие инвестиции, дорогая аппаратура… Стоп. Откуда я это знаю?

Я моргнул. Наверное. Век не почувствовал, но зрение на миг погасло и вернулось.

Значит, имплант. Но когда я успел на него согласиться?

Память молчала.

Я попробовал пошевелиться.

Сознание наконец подсказало, что я лежу у какого-то прибора, нависшего надо мной в темноте. Тело отозвалось едва слышным гудением.

Я перекатился на бок, упёрся ладонями в пол и попробовал встать на четвереньки. Получилось — неуклюже, но получилось.

Тошнота отступила. Зрение понемногу привыкало к темноте: проступили стены, высокий силуэт оборудования, дальний край помещения. Противоположной стены я так и не разглядел.

Я опустил взгляд — проверить, не ушибся ли.

На полу лежали мои руки.

Гладкие, сероватые ладони. Длинные пальцы. Слишком ровные соединения на запястьях. Ни кожи, ни ногтей — только матовая поверхность и тонкие швы между пластинами.

Я перевернул ладонь. Сжал пальцы. Разжал.

Они послушно двинулись.

Нет.

Я посмотрел на ноги, на гладкий корпус, вместо живота — тёмный материал, похожий на резину. Ни одежды, ни ран, ни единого признака живого тела.

«Протезы», — подумал я.

Но протезы не покрывают всё тело.

Откуда-то из глубины памяти всплыло слово: «платформа».

Я отшатнулся — и снова услышал тихое гудение внутри себя.

Скрежет повторился.

На этот раз ближе.

Я замер, прислушиваясь. Звук шёл из темноты — со стороны дальней стены. Что-то царапало металл, коротко и настойчиво, а между скрежетом слышалось влажное фыркание.

Я попытался подняться. Ноги дрогнули, но удержали меня. Пришлось ухватиться за край прибора, возле которого я очнулся. Металл под пальцами тихо скрипнул.

Скрежет оборвался.

— Эй? — сказал я.

Голос прозвучал хрипло и глухо. Я не узнал его. И всё же внутри что-то отозвалось: будто именно так я и должен был говорить.

В темноте шевельнулась тень.

Я отступил. На этот раз тело послушалось слишком быстро: один шаг — и я уже оказался в нескольких метрах от прибора. Нога скользнула по полу, равновесие нарушилось. Я задел плечом что-то металлическое, и по помещению прокатился звон.

Тень метнулась.

Я успел разглядеть низкое тело, длинный хвост и два блеснувших в сумраке глаза. Существо шмыгнуло за груду обломков. Там снова зашуршало.

«Крыса», — мелькнуло в голове.

Но я не знал, откуда знаю это слово. И не был уверен, что оно подходит.

* * *

Я огляделся в поисках выхода. Рядом с прибором, у которого я очнулся, обнаружилась небольшая панель. Она была встроена в боковую часть корпуса и почти скрыта под слоем пыли.

Я провёл пальцами по краю. Под пальцем щёлкнул утопленный переключатель.

Экран моргнул и засветился тусклым светом. Сквозь пыль проступили строки:

НЕЙРОКУБ АКТИВИРОВАН… УСПЕШНО

НОСИТЕЛЬ АКТИВИРОВАН… УСПЕШНО

ОТПРАВКА ОТЧЁТА В ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ВЫЧИСЛИТЕЛЬ… НЕУДАЧА

Экран мигнул ещё раз.

НИЗКИЙ УРОВЕНЬ ПИТАНИЯ

И погас.

Из динамика раздался треск.

— …система… пробуждения… — произнёс безжизненный голос и оборвался.

Я наклонился к панели.

— Кто-нибудь меня слышит?

Ответа не было. Только снова заскрежетало за обломками.

Я уставился на погасший экран. Нейрокуб. Слово отозвалось во мне тишиной — такой глубокой, словно за ним должна была стоять целая жизнь.

Я прижался ладонью к панели. Где-то внутри корпуса тихо загудело.

И в темноте за моей спиной что-то тяжело упало на пол.

Я резко обернулся.

В темноте ничего не двигалось. Лишь где-то далеко осыпалась мелкая крошка, тихо застучав по полу. Существо, издававшее шум за обломками, тоже не показывалось.

Я решил не ждать, пока оно передумает, и двинулся вдоль стены — осторожно, обходя разбросанные детали. Кабели путались под ногами, трубы тянулись через помещение и исчезали в темноте. Несколько раз я споткнулся, но каждый раз успевал удержаться.

Постепенно рассветный свет добрался и сюда. Он просачивался сквозь трещины в крыше и стене узкими бледными полосами. Окон не было. Пыль в этих полосах стояла густая и медленная. Сквозь одну из трещин в стену сполз корень — тонкий, белёсый — и свешивался над полом, не дотянувшись до него. Здесь давно никого не было: я понял это не по числам — я не знал ещё никаких чисел, — а по самой пыли. Она лежала на всём ровно, как лежит только там, где её никто никогда не тревожит. Зато теперь я мог разглядеть

дальний край помещения.

У стены неподалёку лежала сорвавшаяся панель обшивки — похоже, именно она недавно грохнулась в темноте.

Вдоль дальнего края стояли аппараты, похожие на тот, возле которого я очнулся. На каждом — номер.

1. 2. 3.

Пустые. Крепления внутри опущены, защитные оболочки открыты. Ни следа тех, кого они должны были удерживать.

Я прошёл дальше вдоль аппаратов — мимо первого, второго, третьего. Следующим стоял аппарат №4.

Снаружи он ничем не отличался от моего: то же основание, те же кабели, уходящие в пол, тот же корпус с номером на боковой панели. Но его стеклянный колпак был закрыт — единственный из всех. За ним, подвешенный на кронштейнах, застыл такой же синтетик, как я. Голова опущена. Правая рука безвольно свисала, левая была поднята к груди — панель на запястье оставалась открытой.

Я подошёл ближе. Внутренняя сторона стекла была чистой — колпак, похоже, герметично отделял содержимое от пыли и сырости. На внутренней поверхности поблёскивали тонкие царапины.

Сначала я не понял, что они складываются в буквы. Потом свет стал ярче, и надпись проступила целиком:

«ПОМОГИ»

Я коснулся стекла. Оно не подалось.

За ним синтетик не шевельнулся.

Я отступил и оглядел помещение. Аппараты №6–10 стояли дальше, но выглядели недостроенными: открытые корпуса, незакреплённые панели, пустые крепления. Вокруг громоздились стойки на колёсиках с инструментами и непонятным оборудованием. Повсюду — кабели, трубы, обломки. Казалось, работу бросили посреди движения.

Я прошёл между стойками, заглянул за перевёрнутый стол, разбитую оргтехнику на полу, потом осмотрел дальнюю стену. Возле стен — несколько столов со старыми компьютерами. Корпуса местами покрылись пятнами ржавчины, экраны и клавиатуры под слоем пыли. Видно, что это место давно забросили. Ничего, что объяснило бы, где я нахожусь или что произошло, не нашёл.

Когда я вернулся к аппарату №4, свет уже залил его стеклянный колпак. Надпись «ПОМОГИ» стала видна ещё отчётливее.

* * *

Я снова посмотрел на синтетика за стеклом аппарата №4.

Потом перевёл взгляд на свои руки. На ноги, на корпус. Гладкие панели, тонкие швы, тщательно обработанные стыки. Мы определённо были сделаны по одному образцу.

На груди синтетика за стеклом виднелась надпись:

ПЕТРОВ В.

— Петровых миллион, — пробормотал я. — Это всё равно что написать «Джон Смит» на комбинезоне где-нибудь в Америке.

Я усмехнулся. По крайней мере, теперь знал, что умею шутить. Хотя чувство юмора, кажется, не помогало понять, кто я.

На моей груди обнаружилась такая же табличка:

КИМ А.

Стало немного легче. Теперь у меня хотя бы было имя. Или фамилия. Или просто надпись, которую кто-то решил на мне оставить.

На корпусе того самого аппарата, из которого меня выбросило на пол, я нашёл номер: 5. Стоял он не в общем ряду, а особняком — там, где я очнулся. Почему его отодвинули от остальных, я не знал.

И тут меня осенило.

Кириллица.

На экране аппарата тоже были русские буквы. Я прочёл их сразу, не задерживаясь на отдельных символах, словно понимал смысл раньше, чем успевал вдуматься. Но почему я знаю этот язык? И почему не помню, когда выучил его?

Я провёл пальцами по своей голове. Она была почти такой же формы, как у №4: округлая, с немного вытянутым затылком. Не цилиндр с линзами, не набор датчиков на штангах, а лицо, похожее на человеческое. Упрощённое, гладкое, с закрытыми синтетическими веками. В районе ушей — аккуратные выступы без мелких деталей.

Кто бы ни создавал наши тела, он очень старался сделать нас похожими на людей.

Почему?

Я ещё раз посмотрел на фамилию на груди четвёртого. Ответа, конечно, не было.

На рассветный свет наложился новый звук: что-то далеко скрипнуло, потом застучало. Ветер? Обломки крыши? Я не знал. Но темнота отступала, и теперь здесь было не так пусто, как мне казалось сперва.

Я прошёл ещё вдоль стены и увидел две двери. На дверях — два схематических изображения: на одной «М», на другой «Ж». Там должно быть зеркало. Чувство нетерпения подстегнуло меня изнутри. Я решительно толкнул дверь «М» и шагнул внутрь. Помещение было с окнами, которые шли узкой полоской под самым потолком. Стёкла были целыми, только мутными, но немного света пропускали. Справа шли несколько кабинок. Я свернул влево, к раковинам для мытья рук. Над ними было мутное зеркало на всю ширину комнаты. Я замер. Вот и я. Полная копия номера четыре, только глаза открыты. Всё так же, вообще никаких отличий. Я посмотрел на глаза, веки, зрачки. Идеальная работа. Прикоснулся рукой к щеке, почувствовал тактильный отклик в пальцах и на щеке. Страшно стало ещё сильнее: кто же я? Тело — не человеческое, а я ощущаю себя человеком? Разве так бывает?

Я вышел снова в зал.

Интересно, отсюда есть выход?

Ближайшая дверь нашлась за перевёрнутой стойкой. Под ней лежали осколки стекла и куски обшивки. Я нашёл панель

управления, нажал несколько кнопок. Ничего. Ни звука, ни света.

Второй выход оказался в дальнем конце помещения. Там дверь была лишь приоткрыта — её перегораживал ствол дерева. Он проломил стену и теперь лежал поперёк прохода, покрытый мхом и корнями. Ветки уходили в темноту за дверью. От пролома пахло мокрой корой и зеленью — резко, по-живому; в этом одном запахе было больше жизни, чем во всей лаборатории. Пролом в стене, оставленный падением дерева, завалило обломками крыши — места, чтобы протиснуться, там не оставалось.

Я попробовал толкнуть ствол. Он не шелохнулся.

Сил поднять его у меня не было. Инструментов, которыми можно было бы распилить дерево, я пока не нашёл.

Значит, наружу я сейчас не выйду.

Я вернулся к ряду аппаратов: пустые первые три, недостроенные с шестого по десятый — и четвёртый, запертый в своём стеклянном коконе. На внутренней поверхности стекла по-прежнему было нацарапано одно слово:

ПОМОГИ

Я снова посмотрел на открытую панель на запястье синтетика за стеклом. Такая же, понял я, должна быть и у меня.

На левой руке нашлась узкая крышка. Я надавил на углубление — она открылась со щелчком.

Под ней оказался маленький экран. Он загорелся сам, тускло и ровно.

ЗАРЯД: 98%

ДИАГНОСТИКА: ОК

Ниже располагался небольшой разъём (я и это знаю?). Правее экрана — ряд крошечных кнопок со значками. Больше ничего: никаких подсказок, меню или объяснений.

Я не знал, как пользоваться панелью. Цифры и слово «диагностика» были понятны, но назначение кнопок — нет. Палец замер над ними. Если №4 что-то делал с этой панелью, значит, она умела больше, чем просто показывать заряд.

Я решил пока ничего не нажимать.

Я твёрдо пообещал себе разобраться с этим позже и закрыл крышку. Потом посмотрел на аппарат №4: внутри что-то тихо гудело.

Я начал осматривать его боковые панели. От корпуса отходили кабели: одни уходили в стену, другие тянулись к высоким металлическим ящикам невдалеке. На каждом было выцветшее обозначение:

РЕЗЕРВНЫЙ ИСТОЧНИК

Под крышкой одного из ящиков нашлись ряды сменных кассет. Некоторые были пусты, другие покрыты пылью. У источника рядом с аппаратом №4 корпус потемнел, а внизу виднелся бурый след — вода когда-то затекала сюда и долго не высыхала.

Я осторожно снял защитную панель. Внутри одна из кассет была деформирована, контакты почернели. На наклейке ещё можно было разобрать слова: «длительное хранение».

Сам я не знал, как именно эти батареи работали. Но устройство было простым: кассету можно было вынуть и вставить другую.

Я вгляделся: на стеллаже у дальней стены угадывались похожие очертания. Подошёл поближе — повезло: на полках обнаружился запас таких же.

Стеллаж стоял в сухом углу, заваленный коробками и деталями. Я нашёл кассету с целыми контактами, вернулся к резервному источнику и вставил её на место.

В ящике резервного питания что-то щёлкнуло.

Я замер, прислушиваясь, потом подошёл к аппарату №4: под прозрачной защитой загорелся крошечный огонёк. Кабели, ведущие к аппарату, выглядели целыми — видимо, энергия в новой кассете всё-таки осталась. Где-то внутри корпуса №4 послышался короткий гул — и снова тишина.

Я посмотрел на стеклянный колпак. Он оставался закрытым. Как же его открыть?

На столе возле стеллажа лежал небольшой плоский предмет — прямоугольный, с металлическим разъёмом на одном конце. Я поднял его. На корпусе едва читалась надпись: АРХИВ. Знакомый разъём!

Разъём подошёл к порту под крышкой панели на моей левой руке.

Как только я вставил устройство, экран консоли ожил. Простые строки, без голоса и без пояснений. Я понял, что это не чужое сознание и не собеседник. Просто интерфейс:

на маленьком экране отобразился список файлов.

Файл в памяти устройства был один, текстовый. Он открывался медленно, с пропусками. Видимо, архив повреждён от времени.

«Астрономический прогноз обновлён.

Время на подготовку: ограничено.

Работы по переносу завершить в первую очередь.

Недостроенные платформы не запускать.»

Ни имени автора, ни даты. Только несколько обрывков и повреждённая строка, которую система не смогла восстановить.

Я убрал архив в карман на корпусе. Откуда я знал, что он там есть, и зачем положил его именно туда, — не задумывался.

За ширмой в дальнем углу помещения обнаружилась зона отдыха: когда-то это были мягкие кресла, стоящие вокруг столика, старый автомат для напитков, холодильники. Всё было покрыто пылью. Обивка кресел истлела и местами свисала лохмотьями. За столом сидели люди.

Вернее, то, что от них осталось.

Пять фигур в креслах. Одежда истлела, кости рассыпались на подлокотники и пол. Рядом стояли пустые стаканы и несколько маленьких флаконов с выцветшими этикетками.

Я остановился.

На одном из кресел висел пластиковый бейдж. Надпись почти стёрлась, но несколько букв сохранились:

КИМ А.

ИНЖЕНЕР-ТЕХНОЛОГ ВЫСШЕЙ КАТЕГОРИИ

Я смотрел на него долго, хотя не знал, чего ждал.

Потом опустил взгляд на свою грудь:

КИМ А.

Наверное, среди этих людей были и мои останки. Возможно, тот, кем я был раньше, сидел в одном из кресел за ширмой. Может быть, рядом с остальными принял лекарство и уснул.

Я не мог это вспомнить.

Но надпись на бейдже знала моё имя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.